УДК 1(091), 172.15

DOI: 10.26456/vtphilos/2022.3.109

ПРОБЛЕМА ПАТРИОТИЗМА В НЕМЕЦКОЙ И РУССКОЙ КУЛЬТУРНЫХ ТРАДИЦИЯХ

С.В. Килин

ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», г. Краснодар
Академия маркетинга и социально-информационных технологий (ИМСИТ), г. Краснодар

Проблема патриотизма осмысливалась в ходе истории мировой культуры, последними этапами которой на сегодняшний день являются немецкая и русская культурные традиции. Идея патриотизма – это не выдумка философов, поскольку она существует в виде различных явлений сущности бытия его понятия – реальных фактов патриотического умонастроения и поведения граждан, поэтому патриотическая идея может быть понята только на основании теоретического синтеза логики всеобщего исторического процесса с особенным бытием понятия патриотизма в культурах различных народов, а также в различных формах познания истины, каковыми являются искусство, религия и философия. В предлагаемой статье на материале философских работ И. Канта, И. Г. Фихте и П.Я. Чаадаева, а также литературных трудов М.Е. Салтыкова-Щедрина и Ф.М. Достоевского выявляется родство понимания патриотизма в немецкой и русской культурных традициях. Кроме того, в статье обозначаются определенные различия между понятиями народа и нации, родины и отечества, а также указывается на необходимость основания национальной системы патриотического воспитания, создание которой становится неотложным в условиях резко обострившегося сегодня кризиса международной безопасности.

Ключевые слова: *патриотизм, понятие, идея, псевдопатриотизм, Кант, Фихте, Чаадаев, Салтыков-Щедрин, Достоевский, патриотическое воспитание.*

Новейшая (немецкая классическая) философия внесла существенный вклад в историческое развитие понятия и идеи патриотизма, начавшееся, по доступным для нас письменным свидетельствам, с гомеровской эпохи. Эта идея, которая появилась в период возникновения древних греческих государств и впервые стала социальной доминантой в греко-римской культуре, для античного сознания оказалась неразрешимым противоречием. С одной стороны, патриотизм тогда реально выражался в локальной сплоченности граждан греческих полисов, являвшейся, по сути, продолжением мифологической социокультурной коммуникации. С другой стороны, пространство единой Римской империи, ставшей общим отечеством различных

© Килин С.В., 2022

народов, детерминировало жизненный выбор граждан этих сообществ в соответствии с законами римского сверхгосударства [11, с. 288–299]. В силу этого дух человека поздней Античности разрывался между местным и мировым патриотизмом, что выразили слова императора Марка Аврелия: «Город и отечество мне, Антонину, – Рим, а мне, человеку, – мир» [1, с. 311].

Это противоречие по-своему разрешила христианская культура, которая подчинила себе все конечное как чувственно-материальное («языческое»). Предметом патриотизма, в противоположность реальному античному этатизму, стало идеальное государство (Град Божий) на небе, разрешающее все противоречия земного существования (Града земного). Патриотическое умонастроение Средних веков тем самым инспирировало духовные искания личности, ведущие ее к нравственному совершенству в идее государства, предсуществующей в божественном духе.

Новая философия от Бэкона и Декарта до Юма и Вольфа реабилитирует человеческое начало, умаленное средневековым христианством. Она преодолевает дуализм земного и небесного и признает в реальном, земном государстве высшую, божественную ценность. Предметом патриотического чувства становится легитимная политическая власть, в деле которой каждый гражданин, живущий среди равноправных ему соотечественников, начинает видеть в качестве части собственный гражданский вклад. Развитие патриотической идеи на этом этапе вызывается разорванностью особенных и единичных явлений патриотизма и его всеобщей, идеальной сущности – противоречием эмпирии патриотизма и его метафизического понятия, отрицающего определенность опытного знания о реальности.

Патриотизм с точки зрения критической философии Канта

В трансцендентальном идеализме Иммануила Канта противоположность эмпиризма и метафизики формально преодолевается [6]. Полагая, что «так как во внешнем мире нет никакой всеобщности, то ее надо искать во внутреннем – в мышлении» [9, с. 265], этот немецкий философ открывает путь, позволяющий определить изначальную связь явлений патриотического поведения (единичного, наличного, темпорального бытия патриотизма) и вызывающего их патриотического умонастроения (всеобщего – логически объективного, вечного, существенного, лежащего в основании опыта). Последнее не может возникнуть из сложения явлений патриотизма, воспринимаемых чувственным образом, но состоит в их априорной разумной связи со всеобщим моментом патриотизма. Патриотическое умонастроение, по Канту, есть способность индивида брать на себя нравственные обязательства по отношению к себе самому как представляющему в своем лице человеческий род. Этот морально-нравственный принцип обуславливает историческое развитие общественно-политической реальности, которое в наличном бытии выражается в непрекращающемся совершенствовании существующего законодательства. Таким образом, противоположности эмпи-

рически случайного и рационально необходимого Кант примирил лишь потенциально – в бесконечном процессе осуществления нравственного долженствования, исторически ведущего народы к вечному миру. Апостериорная чувственность, в качестве источника которой Канту пришлось постулировать непознаваемую «вещь в себе», давала возможность знать рассудком лишь многообразные эмпирические явления патриотизма, но вывести, дедуцировать их из мыслимой разумом всеобщей идеи патриотизма Кант еще не мог.

Метод актуализации философского понятия патриотизма в учении Фихте

Начатое великим кенигсбергским философом исследование всеобщего отношения мышления и бытия продолжил Иоганн Готлиб Фихте. Он объединил идеалистическое понимание сущности патриотизма с практическим методом его реализации, соответствующим условиям того времени, что нашло, как оказалось, подтверждение не столько в западноевропейской, сколько в русской культуре.

Фихте начинает свое наукоучение с утверждения того, что истина любого бытия, поскольку оно познаётся, начинается с мыслящего себя мышления. Но если основанием для предмета и опыта является самосознание, то какова определенность патриотизма вне сознания человека? Есть ли у патриотизма некая изначальная природа, не связанная с его сознанием? Что является его субстанцией?

Всеобщее мышление как субстанцию любых предметов чувств Фихте называет абсолютным Я. Для Фихте это сверхиндивидуальное Я есть не одна из необходимых половин опыта, как у Канта. Если у Канта содержание должно прийти в форму мышления извне, для чего он и пускает в ход чувственность [9, с. 382], то Фихте убежден, что всеобщее мышление не может получать никакого содержания извне, в том числе и от эмпирического Я как самосознания реального человеческого индивида. По утверждению Фихте, ученый вообще начинает с мыслящего определения предмета, то есть не с ощущений, а с собственных мыслительных конструкций, сопоставляя их с мыслительными конструкциями других ученых. Исходя из этого, можно заключить, что познание патриотизма должно начинаться с его всеобщего принципа – с высшего единства патриотического умонастроения. Оно должно быть не только безусловным, но и безусловно достоверным, поскольку двигаться к нему от чего-то иного нельзя, ведь оно само себя полагает, творит. Следовательно, абсолютной формой и абсолютным содержанием всеобщего принципа является абсолютное тождество Я = Я, поскольку никакой иной формы и никакого иного содержания изначально нет и быть не может. Всеобщее основание хотя и полагает себя как иное себя самого, тем не менее предикат есть в нем сначала то же самое, что и субъект (полагаемое и полагающее есть одно и то же). Всеобщее содержание есть всеобщая форма, а всеобщая форма есть всеобщее содержание.

Субъективно-объективная форма существования такого всеобщего единства формы и содержания в социально-политической реальности есть изначально тождественное себе патриотическое умонастроение индивидов, или граждан государства, формирующееся без какого-либо влияния внешних эмпирических воздействий, в том числе догматических идейных (точнее, идеологических) установок.

Неудовлетворительность абсолютного момента принципа заключается в том, что в нем еще нет никакого различия между формой и содержанием, вследствие чего отсутствует определенность содержания. Не останавливаясь на абстрактной неопределенности абсолютного принципа, Фихте стремится получить его определения. В отношении к утверждающему себя самого всеобщему началу патриотизма таковым определением выступает его абсолютное отрицание, или не-Я. По форме не-Я есть только отрицание Я – отрицание, которое выступило благодаря деятельности самого Я [9, с. 389]. Абсолютное Я, выступив как абсолютное не-Я, полагает существование частичного Я, оказывающегося в отношении к противостоящему ему частичному не-Я. Отсюда происходят все ограниченные утверждения того, что исходит из первоначала – в частности, все эмпирические явления патриотизма, т. е. его наличное бытие в виде единичных патриотических действий, событий. Таким образом, для развертывания всеобщего понятия патриотизма требуется его противоположность – его абсолютное отрицание, ибо только в этом моменте закладывается особенность и единичность его понятия. Из отрицательного полагания относительности абсолютного субъекта (в реальной социально-политической форме всеобщий субъект патриотизма есть патриотическое настроение умов, или общественное сознание) выступают все единичные явления патриотизма.

Согласно методу систематического учения Фихте, ученый должен начать с всеобщего основания явлений патриотизма (с его сущности), от нее перейти к рассмотрению его эмпирических явлений и, рассматривая содержание (в том числе негативное) опыта патриотического сознания и поведения, получить вновь, уже как результат опыта, то всеобщее основание опыта, с которого философия начинает как с принципа. Это значит, что мышление изначально должно абстрагироваться не от опыта, а от самого себя как налично сущего. Лишь таким образом преодолевается метафизическое, равно как и эмпирическое, рассмотрение понятия патриотизма, т. е. возникает разумное его понимание как синтез сущности понятия патриотизма и его существования. В прикладном аспекте это значит, что мы получим истинное понятие патриотизма не за счет того, что найдем в опыте его противоположность и отбросим это содержание как неистинное в надежде путем этого исключения получить истинное как таковое, а наоборот, только в процессе разложения неистинного патриотического содержания в его многообразных особенностях мы получим процесс рождения, выступления в наличное бытие истинного мышления всеобщей сущности патриотизма. Если добро нельзя понять иначе, чем через зло как его противоположность,

а свет – через тьму (стоит нам убрать одно, растворится другое), то и патриотизм в процессе его воспитания в сознании молодых людей, для того чтобы утвердиться в нем по-настоящему, непременно должен пройти через горнило отрицания [7, с. 34]. Только выявляя и анализируя социально-политические и духовные процессы, противоречащие патриотизму, вдумчиво раскрывая их собственную отрицательность, мы укрепляем истинное значение понятия патриотизма и формируем его наличное бытие. Это и есть необходимый процесс объективного воссоздания предмета, без которого истинный предмет патриотизма не существует для субъекта патриотического сознания и самосознания.

На этом феноменологическом процессе созидания истинного через разложение ложного в социально-политической практике не только развивается сама идея патриотизма, но и основывается настоящее патриотическое воспитание. В нем истинное патриотическое умонастроение не формируется за счет догматических установок, навязываемых сознанию индивида авторитетными акторами (школой, государством, церковью и др.), а воспитывается через разумное постижение смыслового различия его собственных противоположностей. Это и есть истинная цель воспитания, которая, по справедливому замечанию А.Н. Муравьева, не может быть достигнута способом «восприятия и заучивания воспитанником определенного объема готовых исторических сведений о прошлом и настоящем состоянии вещей. Дорогу к ней прокладывает философское познание закона развития всеобщей природы человека и мира» [13]. В разумном побуждении каждого юного индивида к духовной самодеятельности Фихте видел залог возникновения идеального государства: «Только та нация, которая решит путем действительного осуществления задачу воспитания, сможет затем создать и совершенное государство» [25, с. 160].

П. Я. Чаадаев: самопознание духа народа как фактор формирования патриотического сознания

Эта понятая великими немецкими мыслителями сущность живого и истинного патриотизма, питаемого силой диалектического противоречия, была подхвачена прежде других русской культурной традицией. Признание исторической эстафеты, передаваемой от немецкого к русскому духу, говорит не о том, что культура одного народа делается мерой культуры другого. Она опирается на то всеобщее содержание, которое развивается силой духа всех тех народов, которые один за другим участвуют в процессе мировой истории.

Черты этого всеобщего ярко проявились в личности и творчестве Петра Яковлевича Чаадаева, стремившегося к всемирно-историческому развитию, чувствовавшего в нем выдающуюся роль России и потому публично заявившего, что она от такового пока отрезана [10]. Чаадаев пришел к выводу о *задержавшемся детстве* русского народа вместо уже необходимой

ему полной творческих сил и свершений юности. По убеждению мыслителя, нашему народу к тому времени уже следовало бы наработать опыт рефлексии, или самопознания, однако он продолжал вести свое бездумное существование. Эта рефлексия началась с экспликации в творчестве Чаадаева негативных, крайне противоположных народному патриотизму суждений о нем (как в учении Фихте – с не-Я). Понимая, что любая национальная идея в силу своей особенности и, стало быть, ограниченности, без синтеза с всеобщей основой, т. е. без приобщения народа к единому человечеству, превращается в национальное самомнение и самоослепление, Чаадаев в качестве антитезы истинному патриотизму указал на убеждения, пренебрегающие всем чужим и неоправданно превозносящие всё *народноукрашенное*, назвав такое настроение умов *квасным патриотизмом*. Обличая его, мыслитель призвал не идеализировать занимаемое Россией место в мире, а постичь ее природу со скромным и благочестивым патриотизмом своих отцов.

Чаадаев, разумеется, не отрицал истинного патриотизма, но протестовал против крайности национального чванства. Вот что говорит Чаадаев о различных способах любить свое Отечество: «Например, самоед, любящий свои родные снега, которые сделали его близоруким, закоптелую юрту, где он, скорчившись, проводит половину своей жизни, и прогорклый олений жир, заражающий вокруг него воздух зловонием, любит свою страну, конечно, иначе, нежели английский гражданин, гордый учреждениями и высокой цивилизацией своего славного острова; и без сомнения, было бы прискорбно для нас, если бы нам все еще приходилось любить места, где мы родились, на манер самоедов» [26, с. 523–539]. Сразу заметим, что преодолеть все особенности народов, которые связаны с тем земным пространством, где они живут, до конца стереть их природные определения, не стерев с лица земли сами эти народы, невозможно.

Чаадаев призывает к смене стихийной формы патриотизма его рациональной формой, что и подтверждает приведенный им пример развития родоплеменного патриотизма в государственный. При этом нельзя отрицать, что при разоблачении недостатков русского народа Чаадаев, во-первых, упускает из вида то положительное, что содержалось в народном сознании[1], во-вторых, превозносит Запад как всеобщее и эталон, отчего эти его размышления ныне выглядят, по крайней мере, однобоко. Как раз такие суждения позволяли считать Чаадаева ярым западником и либералом [18, с. 97]. По этому поводу в письме Тургеневу он писал: «Что я сделал, что я сказал такого, чтобы меня можно было причинить к оппозиции? Я ничего другого не говорю и не делаю, а только повторяю, что все стремится к одной цели и что эта цель – царство Божие» [2, с. 108, 163]. Но именно религиозное

[1] «Что же касается нашей ничтожности, – писал Чаадаеву Пушкин, – то я решительно не могу с вами согласиться» [19, с. 287].

представление об абсолютной конечной цели развития человечества не позволило Чаадаеву всесторонне раскрыть понятие духа русского народа: «Ограниченность религиозного представления как такового, – указывает А.Н. Муравьев, – состоит в том, что в нем еще сохраняется внешняя предметность истины, в виде божественного разума противостоящей сознанию человека и существующей для него независимо от деятельности его духа» [14, с. 196]. Постичь понятие народного духа мыслитель мог бы лишь способом собственно философского познания. «Дело в том, что понимание Чаадаевым истории исключает возможность всякого вступления на исторический путь, – констатирует О.Э. Мандельштам. – В духе этого понимания на историческом пути можно находиться только ранее всякого начала» [10], в чем и состояла ограниченность его опыта понятия духа народа.

Ярко выраженное и детально изложенное Чаадаевым критическое отношение к идее патриотизма, будучи необходимой противоположностью, только укрепляло истинную патриотическую идею в России. Несколько упрощая, но не искажая общую картину, можно сказать, что развитие патриотической идеи у Чаадаева шло в направлении от отрицательного понятия патриотизма к положительному, что сказалось в декларировании мыслителем *новой роли* России, имеющей нравственное преимущество перед другими странами. Призвание решить глобальные социальные проблемы и *ответить на вопросы, которые занимают человечество*, он, в конце концов, возложил именно на русский народ.

Обличение ложного патриотизма в творчестве М.Е. Салтыкова-Щедрина

Поскольку любое развитие сопряжено с возникновением новых противоположностей, при переходе от стихийного родоплеменного патриотизма к государственному вместе с созидательной идеей патриотизма складываются условия для возникновения так называемого «казенного патриотизма», представители которого используют патриотическую риторику как средство для достижения своекорыстных целей[2]. Эту ложную форму патриотизма, которая дискредитирует социально-политическую коммуникацию, остро и талантливо изобличал выдающийся русский писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин. Он много лет служил губернатором одной из российских губерний и был далеко не равнодушен к своей родине, где в среде чиновничества часто сталкивался с таким псевдопатриотизмом. Каз-

[2] Казенный патриот, «находясь на государственном жаловании, ведет патриотическую пропаганду и насаждает патриотизм лицемерно, исключительно по долгу службы. Такая “любовь” за деньги безнравственна не менее проституции и наносит максимальный вред патриотическому воспитанию подрастающего поколения, так как коррумпирует становящееся патриотическое сознание его представителей» [8, с. 3–32].

нокрадство и взяточничество, прикрытые завесой патриотического красноречия, сопровождают историю разных стран; пышным цветом расцвело это порочное явление и в государстве Российском.

Бичуя бытующие формы псевдопатриотизма, Салтыков-Щедрин внес существенный вклад в осмысление на отечественной почве патриотической идеи, причем его критика российской действительности была более уравновешенной, чем у Чаадаева. Салтыков-Щедрин, «каким бы суровым ни был анализ нравственного состояния общества, каким бы мрачным ни оставался его диагноз» [23], продолжал верить в плодотворность «почвы народной», что одухотворяло его творчество, углубляло его смысл и значение. Сатирически изображая ложные формы патриотизма, писатель убедительно показывал, что эти формы извращают идею патриотизма, и с помощью сокращенных силлогизмов (энтимем) разлагал их, тем самым добиваясь ее укоренения. Этот прием, по сути, повторил утверждение абсолютности Я через не-Я в философской концепции Фихте, где субъект делает из себя самого объект, отрицая свою абсолютную активность, но порождая при этом отношение субъективного мышления к объективности бытия со всеми его связями, категориями и синтезами. Такой способ пробуждения патриотического умонастроения русской литературой метко охарактеризовал Н.А. Некрасов: «Он проповедует любовь // Враждебным словом отрицанья…» [17].

В своих очерках Салтыков-Щедрин демонстрировал, каким образом на почве казенного патриотизма смыкаются интересы чиновничьей элиты и олигархии: их представители «будут по-русски в бане по субботам париться, по воскресеньям русские пироги с капустой есть и отборными русскими сквернымиловами ругаться. И патриотические сердца возрадуются» [12]. Разновидностью казенного патриотизма является, по Салтыкову-Щедрину, *начальствующий патриотизм* – еще одна противоположность патриотизму истинному. Он выражается в готовности чиновников «по первому трубному звуку устремляться куда глаза глядят» [20], лишь бы исполнить поручение начальства. «Многие склонны путать два понятия: “Отечество” и “Ваше превосходительство”», – ядовито пишет Салтыков-Щедрин. Безусловно, человек, находящийся во власти такого убеждения, может «сделаться горячим патриотом и смело полезет в огонь и воду для исправления границ своего Отечества, но это случится только тогда, когда его внезапный патриотизм будет неуклонно согреваться дисциплиной. Затем может ли патриотизм дисциплинированный вполне заменить патриотизм свободный – это еще вопрос, и, кажется, в разрешении этого вопроса и заключается вся сущность дела» [22, с. 162–187].

Салтыкову-Щедрину, как и Фихте, ясно, что попытки связать патриотическое умонастроение с внешней дисциплиной успеха не принесут. Поэтому для них обоих образование – важнейший фактор формирования истинного патриотизма. В очерке «Сила событий», размышляя об отношении к патриотизму человека полуобразованного, мнящего себя возвысившимся

над «простым» народом, которому образование якобы только вредит, писатель иронически заметил, что его понятие о долге «не шло далее всеобщего равенства перед шпицрутеном», поскольку «разума он не признавал вовсе и даже считал его злейшим врагом, опутывающим человека сетью обольщений и опасного привередничества» [21]. Решающим аргументом в пользу того, что именно образование духа является почвой истинного патриотизма, для Салтыкова-Щедрина выступает соображение, что человек образованный имеет возможность действовать с гораздо большим успехом для пользы своего Отечества, чем невежда. Вслед за Фихте, который утверждал, что расходы на национальное образование и воспитание избавят государство от других трат, Салтыков-Щедрин говорит о росте капитала и силы государства, «которые страна приобретет оттого только, что в идею патриотизма будет введен элемент сознательности и умственной развитости» [22].

Особое внимание Салтыков-Щедрин уделяет отношению к идее патриотизма множества паразитов, наполняющих нашу страну. Писатель поясняет, что «почти на каждом шагу приходится выслушивать суждения вроде следующих: “Правда, что N ограбил казну, но зато какой патриот!” – и подобные суждения не противны общественной совести» [22]. Причина лояльного отношения общества к этой проблеме, по убеждению Салтыкова-Щедрина, заключается в том, что «проходимство является на сцену не иначе как в блеске, свойственном бесстыжеству». Эта ситуация определяет общественное мнение, ибо многим начинает казаться, что за этой наглостью «стоит что-то несокрушимое, что у нее есть какая-то роль в истории». Однако, заключает писатель, «нельзя быть паразитом и патриотом ни в одно и то же время, ни по очереди, то есть сегодня патриотом, а завтра проходимцем» [22]. Поэтому о том, кто следует известному принципу проходимцев «Где хорошо, там и родина», писатель говорит: «Случается, что он предпочитает одну территорию другой и начинает называть ее отечеством, но это не Отечество, а только оседлость» [22]. В связи с этим нельзя не заметить, что обратная сторона рациональной привязанности к своей родине есть бессознательная, естественная любовь к ней. Только в гармонии природного с духовным, реального с идеальным, стихийного с сознательным, иррационального с рациональным начала эти воодушевляют людей на истинный патриотизм.

Не менее важным Салтыков-Щедрин считает вопрос об отношении к идее патриотизма людей, не принимающих участия в делах своей страны. Отстранение от жизни родины он считает серьезной проблемой: «Немыслимо, чтоб человек развитый добровольно отказался от права управлять своими действиями в пользу стороннего лица, потому что подобный отказ был бы равносилен низведению себя на степень низшего организма, а для такой прихоти не имеется никакого разумного объяснения» [22]. Писатель убежден, что если «люди не связаны между собой никакой общей идеей», то народ не имеет потенциальной возможности стать единым организмом,

или настоящей нацией. Нацию он понимает как *идею гражданства*, в отличие от многих его и наших современников, видящих в нации лишь этническую особенность. В этом пункте русский писатель близок понятию нации, выработанному классической немецкой философией. Такие ее представители, как Фихте и Гегель, согласно утверждали, что действительной нацией народ становится лишь на пути всеобщего самосознания духа, ибо только народное единомыслие позволяет ему решить задачу создания своего мира, отличного от мира других исторических народов.

Эти проблемы, так или иначе связанные с патриотизмом, вынуждают Салтыкова-Щедрина обозначить главную проблему – отсутствие единого понятия патриотизма. «До последнего времени очень немногие задавали себе этот вопрос: до такой степени он казался ясным и бесспорным. Большинство понимало под словом “патриотизм” что-то врожденное, почти обязательное. Начальство, соглашаясь с этим определением, прибавляло, что наилучшее выражение патриотизма заключается в беспрекословном исполнении начальственных предписаний. Определение большинства имеет тот порок, что ничего не определяет и, следовательно, оставляет вопрос открытым. Это все равно, как если бы кто сказал, что патриотизм есть любовь к отечеству, – какую пользу можно вынести из такого объяснения?» [22]. Не меньшую сложность вызывают понятия любви и Отечества. В этом отношении движение мысли нашего писателя вновь совпадает с философским учением Фихте, который прямо задал этот вопрос: «Что такое любовь к отечеству, или, более конкретно, любовь единичного к своей нации?» Как же соотносятся друг с другом эти определения?

О различии понятий народ и нация, родина и отечество

Прежде чем обратиться к сущности этих понятий, образующих определенное содержание патриотической идеи, требуется охарактеризовать понятие самой идеи. А.Н. Муравьев следующим образом резюмирует ее определения, выдвинутые в результате исторического развития классической философской мысли: «Непосредственность бытия, опосредствование бытия сущностью и, наконец, конкретность понятия сущности бытия вызваны процессом саморазвития идеи, последовательно дающей себе все названные определения. Бытие идеи непосредственно едино, или тождественно с собой, ее сущность раздвоена и существует как различие, превращающееся в противоположность, а понятие ее, подобно христианскому представлению о Боге, триедино, или конкретно. Поэтому саморазвитие идеи через все определения ее бытия, сущности и понятия выступает как процесс противоречия субстанции, то есть объективной основы всего сущего, и субъекта, постигающего эту объективную реальность идеи. Это противоречие вечно полагает и вместе с тем вечно разрешает себя» [16].

Исходя из этого, патриотизм по его бытию определяется как любовь индивидов к своей родине, то есть к определенному месту своего рождения и дальнейшего пребывания на Земле. Эта любовь выражает чувство их

непосредственного единства друг с другом и привязанности к своим корням, которые питают патриотическое умонастроение индивидов. Такое умонастроение свойственно каждому духовно здоровому человеку и каждому народу, если он разумно относится к себе, а следовательно, и к тому природному пространству, где он родился и вырос. Поэтому истинный патриотизм индивидов обнаруживается прежде всего в их самопожертвовании ради Родины-матери во время войн и других катастроф. Далее, по определению сущности патриотизма, эта непосредственно тождественная себе любовь в процессе рефлексии по необходимости начинает сама себе противоречить и потому различается на любовь и ненависть, причем ненависть любящий испытывает не только к врагам, попирающим его родину, но и к ее собственным недостаткам. Именно в силу этого у него возникает желание искоренить эти недостатки, берущие начало в прошлом его родины, ибо из настоящего они, по его разумному убеждению, не должны перейти в ее будущее. Это желание питает патриотическое стремление индивида стать по мере сил отцом тому, что его породило. Таким образом, «как сущность различна с бытием, сущностью которого она является, так и Отечество, хотя и неразрывно связано с Родиной-матерью, но не тождественно ей» [16]. Именно по этой причине критически относились к недостаткам своей родины Чаадаев и Салтыков-Щедрин, тем самым приближаясь к понятию конкретного, т. е. в себе различенного, единства родины и отечества.

Аналогичным способом происходит и развитие народа в настоящую нацию. Будучи нераздельными друг с другом, эти понятия тоже различны. Народ, первоначально составляющий лишь этническую, или естественно-историческую общность людей, при определенных условиях начинает затем сам творить себя духовно. В этом духовном процессе самодеятельности, выводящем народ из его непосредственно природного состояния, возникает действительная нация. Посредством личного разрешения каждым индивидом противоречия между чувственностью и рассудком этот процесс превращает народную массу из толпы лишь внешне отличных друг от друга эгоистов в дружную общность неповторимых личностей, чувствующих, мыслящих и действующих по-человечески, то есть, по словам Фихте, в «насквозь сращенное единство, в котором ни один из членов не считает судьбу никакого другого чужой ему судьбой» [25]. Поскольку действительная нация есть такая связь человека с человеком, которая соединяет всех единичных в одну единодушную общину равно разумного образа мыслей, она представляет собой отнюдь не преходящий этнический феномен, а «достигнутый во времени вечный духовный результат всего естественно-исторического процесса» [10]. Немецкий философ недаром предупреждал своих соотечественников об опасности редукции высшей духовной природы нации к националистическому квазипатриотизму. Нация, в которой иссякнет высший патриотизм и которая будет поэтому защищать не свое духовное и изначальное бытие, а только свои государственные или общественные институты, свои внешние бытовые традиции и обряды, даже свои обособленно взятые язык

и культуру (эти последние, оставаясь, так сказать, для внутреннего пользования, из своего всеобщего значения низводятся до этнографической особенности), – такая нация если и будет бороться за свое национальное дело, то потерпит поражение или удовлетворится национальным компромиссом [25]. Это демонстрирует, что философское положение Фихте о нации как внутренней цели естественно-исторического развития народа соответствует основам литературного творчества Салтыкова-Щедрина в жанре сатиры.

Получается, что по ходу своего возникновения и развития народ сначала обретает родину, а затем – отечество и, по мере сознательного участия каждого гражданина в этом процессе, путем образования разума своего духа консолидируется в нацию. Именно разумный способ мышления и деятельности позволяет единичному индивиду вырасти из духа своего народа и, породив в себе всеобщность этого особенного духа, развить ее бытие для себя в своем патриотическом умонастроении. Об этом всеобщем и говорит Салтыков-Щедрин, когда связывает воедино патриотическое умонастроение с его внутренней целью, состоящей в благополучии не только своего народа, но и всего человечества: «Идея, согревающая патриотизм, – это идея общего блага» [22]. В обращении к Н.К. Михайловскому русский писатель ставит в один ряд синонимичные для патриотического умонастроения понятия: «Были, знаете, слова: ну, *совесть, отечество, человечество*… другие там еще… А теперь потрудитесь-ка их поискать! Надо же напомнить». Истинный патриотизм в его понимании определенно ведет к завершению духовно-исторического развития человека: «Воспитательное значение патриотизма громадно: это школа, в которой человек развивается к воспринятию идеи о человечестве» [22].

К всеобщей цели патриотизма стремился и Чаадаев. Для него ее достижение заключалось в установлении Царства Божьего на Земле, отчего он беспощадно различал в историческом наследии своего народа все доброе и злое как соответствующее или противоречащее христианству. Мыслитель был убежден в том, во-первых, что только в единстве всех народов возможно достижение духовного совершенства каждого из них и, во-вторых, что достижение этого единства возможно исключительно на религиозной основе. «Не через родину, а через истину ведет путь на небо» [26, с. 523–539], – утверждал Чаадаев, разделяя в своем суждении особенный (родину) и всеобщий христианский (истину) момент патриотизма, будучи еще не в состоянии примирить их, прийти к конкретному единству этих моментов.

Итак, по своему понятию патриотизм есть истина его бытия и сущности как более абстрактных определений патриотической идеи. «Поэтому процесс развития идеи патриотизма включает в себя не только утверждение ее непосредственной определенности и отрицание этой определенности через ее опосредствование, но и, сверх того, отрицание этого отрицания, – заключает А.Н. Муравьев изложение содержания этой идеи. – Сущность патриотизма проявляет себя, как мы видели, в разрыве духа индивидов и народов с непосредственностью своего особенного бытия. Однако этот разрыв

отнюдь не является самоцелью, так как он происходит ради конкретного соединения особенного духа индивидов и народов со всеобщим духом, то есть с духом человеческого рода как такового» [16]. Всеобщее, особенное и единичное есть, таким образом, необходимые моменты понятия патриотизма. Его первый момент выражает внутреннее единство, которое роднит всех людей на Земле как представителей человеческого рода вообще. В социокультурной реальности это единство представлено универсальными чувствами и убеждениями, характеризующими патриотическое умонастроение, то есть представлениями о любви, милосердии, добровольчестве, ответственности и др. Вторым моментом понятия патриотизма является различение всеобщего – его особенность. По этому моменту патриотизма человек относит себя к своей родине – к той особенной нравственной реальности, благодаря которой он существует здесь и сейчас. Родина осознается человеком через его принадлежность к определенной семье, определенному обществу и государству. Наконец, в третьем моменте понятия патриотизма его всеобщий и особенный моменты соединяются в единичных явлениях патриотизма, к которым относятся мужественные и героические поступки, гражданские и военные подвиги, выдающиеся достижения индивидов в искусстве, спорте и всех других областях культуры. Именно они, став примерами любви к родине и служения отечеству, имеют важное воспитательное значение для подрастающего поколения, так как не могут не вызвать у его представителей стремления поступать так же.

Ф.М. Достоевский: раскрытие всечеловеческого начала в народе и индивиде

Однако для дальнейшего развития идеи патриотизма таких единичных примеров недостаточно. Поэтому патриотическое умонастроение, свойственное духу современной эпохи, не ограничивается непосредственным чувством любви к своей родине. Тенденция к подлинно национальному развитию народа требует от него формирования такого характера, для обретения которого «народ должен совершить революцию в образовании своего духа» [15, с. 157–187]. Такое радикальное духовное перерождение, заключающееся в раскрытии всеобщего основания духа особенного народа и единичного индивида, выражено в известном положении Христа: «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3:3). Это положение совпадает с тем, что говорит Фихте о необходимости национального возрождения духа народа, поскольку достичь такого состояния народ может, согласно ему, только через основанную на философии систему образования. Характерно, что ту же понятийную направленность имеет идея всечеловеческой солидарности и гражданско-религиозной соборности, на русской почве выдвинутая Федором Михайловичем Достоевским: «Тогда только человечество и будет жить полною жизнью, когда всякий народ разовьется на своих началах и принесет от себя в общую сумму жизни какую-нибудь особенно развитую сторону» [4]. Утверждая, что всечеловеческое

(универсальное, или всеобщее) рождается из расцвета национального, или особенного, Достоевский, разумеется, не имеет в виду ничего националистического, поскольку национализм непосредственно отождествляет всеобщее с особенным. Как замечает А.В. Гулыга, всемирное видение у Достоевского преодолевает ограниченность идеологии русского почвенничества: «Чем сильнее привязанность к родной земле, тем скорее она перерастает в понимание того, что судьба родины неотделима о судеб мира» [3, с. 83]. Ф.М. Достоевский полагал, что у русских две родины: Россия и Западная Европа. Тем самым он, присоединяясь к А.С. Пушкину, положил начало развертыванию мирового содержания русской культуры через синтетическое отождествление в патриотизме неразрывных и неслиянных моментов особенного (национально-этнического) и всечеловеческого (мирового, всеобщего): «Да, назначение русского человека есть, бесспорно, всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским и значит только стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите… Наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей» [5, с. 617–675].

Этот подход, именуемый в русской историософии *всечеловеческим*, преодолевает ограниченность западной концепции *общечеловеческого*, настаивающей на универсальном значении именно западной культуры. Всечеловеческое, по мысли Достоевского, есть не столько сумма достижений различных культур, но, главным образом, освоение и дальнейшее развитие их высших достижений на самобытной народной почве. Как ни одно из растений не может воплотить в себе саму идею растения, так и конкретная полнота развития достигается не в движении различных народов к единому христианскому идеалу (как у Чаадаева), а в национально-народном развитии их наивысших достижений, т. к. никакая из цивилизаций человечества «не может быть отброшена как ненужная или преодоленная» [24, с. 137]. Достоевский усматривал в русском духе, обладающем универсальной способностью понимания других народов, возможность всечеловеческого единения. Эта его идея стала особенностью российского патриотизма, утверждавшего солидарность различных народов. Именно она была реализована в СССР, хотя и в весьма ограниченной мере. Полноте ее осуществления препятствовали рамки советской общественно-политической системы и материалистической идеологии, существенно умалявшей индивидуальную свободу, прежде всего религиозного и философского духа.

В заключение еще раз подчеркнем далеко не случайное родство понятия патриотизма в немецкой классической философии и в творчестве Чаадаева, Салтыкова-Щедрина и Достоевского. Утверждение истинного понятия патриотизма происходит лишь путем преодоления его ложных форм. В этом феноменологическом процессе развития духа патриотическая идея начинает существовать для нас, шаг за шагом образуя истинное патриотическое умонастроение. Только на такой имманентный процесс может опи-

раться чуждое любой догматике истинное искусство воспитания патриотизма в сознании подрастающего поколения. Чаадаев ярче других отечественных мыслителей выразил характерные противоречия феноменологического процесса утверждения понятия патриотизма в русском духе. Эффективной экспликацией противоположности ложного и истинного патриотизма стали произведения Салтыкова-Щедрина. Возникшую контрарную противоположность особенного и всеобщего в понятии патриотизма снял в синтетическом единстве понятия русского духа Достоевский. Его концепция всечеловечности по содержанию вполне совпадает с классическим философским определением понятия патриотизма, поэтому она вместе с учениями Канта, Фихте и Гегеля может в практически-педагогическом плане служить основанием национальной системы патриотического воспитания, не зараженной пороками тех западноевропейских начал, которые сейчас хитростью и силой пытаются навязать народам мира.

Список литературы

1. Аврелий М. Наедине с собой. Размышления / пер. С.М. Роговина // Римские стоики: Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий. М.: Республика, 1995. С. 271–363.
2. Гершензон М.О. Грибоедовская Москва; П.Я. Чаадаев; Очерки прошлого. М.: Московский рабочий, 1989. 398 с.
3. Гулыга А.В. Русская идея и ее творцы. М.: Соратник, 1995. 316 с.
4. Достоевский Ф.М. Два лагеря теоретиков (по поводу «Дня» и кой-чего другого) // Собр. соч.: в 15 т. СПб.: Наука, 1993. Т. 11. 576 с.
5. Достоевский Ф.М. Объяснительное слово по поводу печатаемой ниже речи о Пушкине // Собр. соч.: в 10 т. М.: Книжный Клуб «Книготовск», 2010. Т. 10: Дневник писателя. 720 с.
6. Килин С.В. Идея патриотизма в критической философии И. Канта // Манускрипт. 2021. Т. 14. Вып. 10. С. 2092–2096.
7. Килин С.В. О системе патриотического воспитания подрастающего поколения // Идея патриотизма в системе воспитания подрастающего поколения: сб. матер. Всеросс. науч.-практ. конф. Пенза: Издательство ПГУ, 2019. С. 32–40.
8. Килин С.В., Муравьев А.Н., Малинкин А.Н., Лутовинов В.И. Стратегия воспитания подрастающего поколения граждан России // Концептуальные основы российского патриотизма и стратегия патриотического воспитания подрастающего поколения: сб. науч. статей по матер. Всеросс. науч.-практ. конф. / ред. Килин С.В., Муравьев А.Н., Григорьян Л.Г. Пенза: Пензенский государственный университет, 2021. С. 3–32.
9. Линьков Е.С. Лекции разных лет. СПб.: ГРАНТ ПРЕСС, 2012. Т. 1. 475 с.
10. Мандельштам О.Э. Петр Чаадаев // Соч.: в 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 2. Проза. Переводы. С. 152–170.
11. Махлаюк А.В. Римский патриотизм и культурная идентичность в эпоху империи // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 1 (1). С. 288–299.

12. Михайловский Н.К. Щедрин. [Электронный ресурс]. URL: http://dugward.ru/library/mihaylovskiy/mihaylovskiy_chedrin.html (дата обращения: 02.05.2022).
13. Муравьёв А.Н. И.Г. Фихте о национальном воспитании: от просвещения к paideia // Вестник СПбГУ. Философия и конфликтология. 2013. № 2. С. 61–69.
14. Муравьев А.Н. Опыт понятия духа народа в трудах Чаадаева // Философия и опыт: очерки истории философии и культуры. СПб.: Наука, 2015. С. 187–199.
15. Муравьев А.Н. Речи к русской нации // Философия и опыт: очерки истории философии и культуры. СПб.: Наука, 2015. С. 48–58.
16. Муравьев А.Н. Философские определения идеи патриотизма и основные трудности патриотического воспитания подрастающего поколения // Идея патриотизма в системе воспитания подрастающего поколения: сб. матер. Всеросс. науч.- практ. конф. Пенза: Издательство ПГУ, 2019. С. 22–31.
17. Некрасов Н.А. Блажен незлобивый поэт... // Полн. собр. стихотворений: в 3 т. М.: Пушкинский дом, 2021. Т. 1. 688 с.
18. Нижников С.А., Гребешев И.В. Генезис и развитие метафизической мысли в России. М.: Руниверс, 2016. 604 с.
19. Пушкин А.С. Письмо к Чаадаеву 19 октября 1836 г. // Собр. соч.: в 10 т. М.: Художественная литература, 1978. Т. 10. С. 287.
20. Салтыков-Щедрин М.Е. Благонамеренные речи. М.: Правда, 1984. 640 с.
21. Салтыков-Щедрин М.Е. История одного города. М.: Эксмо, 2021. 288 с.
22. Салтыков-Щедрин М.Е. Сила событий // Салтыков-Щедрин М.Е. Собрание сочинений: в 20 т. Т. 7. М.: Художественная литература, 1969. С. 162–183.
23. Слинько А. Школа патриотизма // Литература. 2001. № 13. [Электронный ресурс]. URL: https://lit.1sept.ru/article.php?ID=200101306 (дата обращения: 02.05.2022).
24. Смирнов А.В. Всечеловеческое vs. общечеловеческое. М.: Садра; Издательский Дом ЯСК, 2019. 216 с.
25. Фихте И. Г. Речи к немецкой нации / пер. с нем. А.А. Иваненко. СПб.: Наука, 2009. 349 с.
26. Чаадаев П.Я. Апология сумасшедшего // Полн. собр. соч. и избранные письма: в 2 т. М.: Наука, 1991. Т. 1. С. 523–538.

THE PROBLEM OF PATRIOTISM IN GERMAN AND RUSSIAN CULTURAL TRADITIONS

S.V. Kilin

Kuban State University, Krasnodar
Academy of Marketing and Socio-Information Technologies (IMSIT), Krasnodar

The problem of patriotism has been discussed in the course of the history of world culture, considered in its different aspects in German and Russian cultural traditions. The idea of patriotism is not an invention of philosophers, since it exists in the form of various phenomena – the real facts of the patriotic mentality and behavior of citizens. Therefore, the patriotic idea can be understood only on the basis of a theoretical synthesis of the logic of the universal historical

process with the special existence of the concept of patriotism in the cultures of various peoples, as well as in various forms of expression in are art, religion, and philosophy. The article is based on the philosophical works of I. Kant, I.G. Fichte, and P.Ya. Chaadaev, as well as on the literary works of M.E. Saltykov-Shchedrin and F.M. Dostoevsky. In its format, the kinship of the understanding of patriotism in the German and Russian cultural traditions is revealed. In addition, the article identifies certain differences between the concepts of people and nation, homeland and motherland, and also points to the need to establish a national system of patriotic education, the creation of which becomes urgently necessary under the conditions of the sharply aggravated international security crisis today.

***Keywords**: patriotism, concept, idea, pseudo-patriotism, Kant, Fichte, Chaadaev, Saltykov-Shchedrin, Dostoevsky, patriotic education.*

Об авторе:

КИЛИН Сергей Владимирович – аспирант кафедры философии ФГБОУ ВО «Кубанский государственный университет», преподаватель философии Академии маркетинга и социально-информационных технологий (ИМСИТ), г. Краснодар, Россия. E-mail: molpobeda@mail.ru

Author informations

KILIN Sergey Vladimirovich – PhD Student, at the Department for Philosohy, Kuban State University, Krasnodar; lecturer, Academy of Marketing and Socio-Information Technologies (IMSIT), Krasnodar, Russia. E-mail: molpobeda@mail.ru